

Гилберт Кит Честертон

Что не так

С ЭТИМ
МИРОМ

Гилберт Кит Честертон

Что не так с этим миром

«Никея»

1908

УДК 316.7
ББК 87.6

Честертон Г.

Что не так с этим миром / Г. Честертон — «Никея», 1908

ISBN 978-5-907661-35-6

Впервые на русском языке — уже ставший классикой сборник эссе знаменитого английского христианского мыслителя, писателя и публициста Гилберта К. Честертона. Это яркие, хлесткие, остроумные размышления о природе общества и общественных недугах, о политике и духовности, образовании и воспитании, великолепно сочетающие глубину и легкость, юмор и пронизательность. Неподражаемый афористичный стиль Честертона делает его наблюдения о человеке и человечестве актуальными и сегодня. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 316.7
ББК 87.6

ISBN 978-5-907661-35-6

© Честертон Г., 1908
© Никея, 1908

Содержание

In principio[1]	6
Слово от переводчиков	8
Посвящение	9
Часть первая	10
I. Медицинская ошибка	11
II. Требуется непрактичный человек	13
III. Новый лицемер	16
IV. Страх прошлого	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Гилберт Кит Честертон

Что не так с этим миром

© А. Строк, А. Рыбкин, Д. Полетаева, А. Вересникова, перевод, 2023

© С.С. Аверинцев, наследники, послесловие, 2023

© ООО ТД «Никея», 2023

In principio¹

На протяжении десятков лет в России книги Честертона вольно или невольно связывались его читателями и почитателями с переводческим подвигом Натальи Леонидовны Трауберг, которая буквально «за руку» вводила его в пространство русского языка. Разумеется, она не была единственным его переводчиком, но именно она сознательно и энергично предоставляла «русское гражданство» не отдельным текстам Честертона, а ему самому, не столько, в ее понимании, мыслителю, сколько мудрецу (т. е. при всем своем уме руководствующемуся душой и сердцем). Натальи Леонидовны нет с нами уже четырнадцать лет, и, по правде сказать, нам долгое время казалось, что время «русского Честертона» ушло вместе с ней, нам остается лишь перечитывать уже некогда переведенное, попутно отмечая, как безнадежно не соответствует «толстый Честертон», как он сам о себе говорил, духу времени, что бы под этим загадочным термином ни понимать.

Между тем определение «толстый Честертон» не столько описывает его и впрямь внушительные физические габариты, сколько отражает наше изумление перед его неординарной писательской плодовитостью. Честертон написал страшно много, причем страшно много всего. В его литературном наследстве около 80 книг разных жанров – романы, биографии, публицистика, литературоведение и критика, христианская апологетика, даже травелог есть. Несколько сотен стихотворений, пара сотен рассказов, несколько пьес, порядка четырех тысяч (!!!) эссе и газетных колонок. Издающееся сейчас католическим издательством Ignatius Press собрание сочинений ГКЧ включает в себя 37 томов (а, к примеру, «поэтический» том издан в 3 книгах!), и еще не все из них вышли в свет. Нет нужды говорить, что перевести это все на русский язык невозможно (да и незачем), но столь же понятно, что в этом поистине безбрежном море остается немало того, что крайне существенно для понимания автора в его цельности.

Всем, кто некогда привязался к Честертону – а он умеет привязывать раз и навсегда! – было очень радостно видеть, что история «русского Честертона» не окончилась. В 2015 году вышел в России юношеский роман ГКЧ «Бэзил Хоу» (в переводе Н. Эппле), опубликованный на языке оригинала только в 2001 году. Через два года в переводе С. Минаева вышла «Краткая история Англии», и тогда же издательства «Артос» и «Христианская библиотека» выпустили небольшую книжку «Суеверие развода», посвященную крайне важной для Честертона теме брака, принимаемого как вечный обет. Наконец, сегодня любитель Честертона возьмет в руки новый подарок – крайне важную в личной истории самого Честертона книгу «Что не так с [этим] миром». Оба последних перевода были подготовлены целыми коллективами энтузиастов, которых сумел объединить и вдохновить Адам Строк.

Поздравим друг друга с этим, но все же зададим вопрос – а зачем нам сегодня читать Честертон, тем более его публицистику на животрепещущие более ста лет назад темы, совершенно очевидно ушедшие из нынешней, простите, «повестки»? Уж не ради ли его, как всегда, блестящей жонглирующей аргументации и сияющих афоризмов, частенько на поверку оказывающихся очень натянутыми? В самом деле, не возвращаться же нам к вопросам о необходимости государственных школ или предоставлении женщинам избирательного права лишь затем, чтобы еще раз насладиться остроумием автора? Предоставляя право каждому ответить на этот вопрос самому, хотелось бы дать несколько «опорных точек», которые могли бы в этом помочь.

Во-первых, никогда не стоит забывать слова К. С. Льюиса: «Мне не было нужды соглашаться с Честертоном, чтобы получать от него радость». И впрямь, утверждения ГКЧ сплошь и рядом ныне вызовут протест и несогласие, покажутся чудовищно несовременными и далеко выходящими за рамки допустимого консерватизма. Удивительным образом это мало мешает

---

¹ В начале (*лат.*)

тому, чтобы радоваться тексту Честертон. Довольно ясно об этом сказал другой почитатель писателя, Сергей Сергеевич Аверинцев, чье замечательное эссе, опубликованное в сборнике публицистики ГКЧ «Писатель в газете» еще в советские годы, мы помещаем в книгу как завершающее и актуальное послесловие.

Во-вторых, Наталья Леонидовна Трауберг как-то назвала Честертон «писателем XXI века». Конечно, это предположение, а не пророчество, да и в первые годы нашего тысячелетия мало кому в голову могло прийти, что будет происходить в двадцатых. Отмечая «тягу к правде» ГКЧ, зачастую приводившую его к жестким и очень спорным выводам, Наталья Леонидовна была убеждена, что его «спасало ощущение драгоценности и незащищенности всего, что создано Богом. Рассуждения в духе Беллока, де Местра, Деруледа снова и снова уступали милосердию. В одном из стихотворений он писал, что важный, солидный человек „не потеряет головы, но душу потеряет“... Голову он терял и разумом ошибался, а мудрость и милость сохранял если не в каждой фразе, то в общем духе своих сочинений. По-видимому, прежде всего нам стоит учиться у него не частностям, а сочетанию истины и милости, очень редкому в наши дни. В прошедшем веке его принимали и за добродушного эксцентрика, и за сурового воителя. Пора понять, что нам, да и всем, он чрезвычайно нужен только в том случае, если мы увидим у него нераздельное сочетание вверенности Богу и сострадания к людям. Иначе его не очень трудно превратить в идеолога, а лишний идеолог, честное слово, не нужен никому»².

И, наконец, процитируем очень верные, на наш взгляд, слова замечательной переводчицы Светланы Панич: Честертон необходим сегодня «как рыцарь, который хорошо знает повадки дракона, но знает и другое: дракон способен взять власть, только когда ее отдают, но даже если он дорвется до власти, на драконе история не заканчивается, дракон побеждается сочетанием отваги и каждодневного благородства...» Обращаемся мы к Честертону «не как к старинному лакомству, украшающему наше интеллектуальное пиршество, а как к лекарству». В этом, наверно, один из его наиболее загадочных и захватывающих парадоксов: неутомимо сражаясь в отстаивании истины, он хранит в себе светлый юмор и веселый свет, которые радуют и исцеляют нас гораздо больше победной правоты. Припомним дары Аслана из «Хроник Нарнии». Мы видим теперь, что в руках Честертон побывали и меч Питера, и лук Сьюзен. Но спасает нас не притупившееся лезвие и не обвисшая тетива. Мы остаемся живыми благодаря исцеляющему напитку Люси.

Егор Агафонов

---

² Трауберг Н.Л. Человек для нашей поры / Капли из ведра. Заметки переводчика // Дружба народов. 2004. № 8.

Слово от переводчиков

Эта книга была написана более ста лет назад, но с тем же успехом она могла быть написана вчера. В книге «Суеверие развода», написанной десятью годами позже, Г. К. Честертон исследует главный «строительный блок» общества – семью и то, что удерживает ее вместе; то, что скрепляет цивилизацию и без чего мы бы погрузились в хаос и варварство. В данной книге (которую Г. К. первоначально назвал просто «Что не так» и обнаружил, что его издатель предпочел добавить слова «с миром») немалое внимание уделяется силам, заинтересованным в разрушении семьи, которые он называет *Хадж* и *Гадж*, и тому, какую выгоду это им приносит. Это объяснение того, как развивался западный мир, радикально фокусируясь на индивидуализме за счет семьи и атомизации общества. Действительно, сегодня мы едва ли можем представить себе мир, в котором мать и отец НЕ работают на незнакомцев, более богатых, чем они, или НЕ посылают своих детей в государственное учреждение, где о них заботится государство, а не их собственные родители. Сегодня у нас есть немало готовых отговорок, почему мы это делаем, но мы не задумываемся о том, как вообще возникла эта ситуация, которой просто не было 150 лет назад, и кто извлекал из нее выгоду и поощрял такое положение дел, а также как это повлияло на способность людей сопротивляться тирании, проникающей в страны, которым удалось избавиться от нее в прошлом.

Адам Строк

Мое знакомство с творчеством Г. К. Честертон началось более десяти лет назад с цитат на уроках английского и вылилось в мой первый художественный опыт в переводе. Произведению уже более ста лет, браться за него было страшно, но, к моему удивлению и счастью, чтение и перевод стали работой не только для ума, но и для души. Я уверена, что при всей спорности и неоднозначности тем, поднятых Честертоном в этой книге, для нас, людей XXI века, они представляют ничуть не меньший, если даже не больший интерес. Мы смотрим на мироустройство другими глазами. Между нами и Честертоном – кровопролитный XX век: две мировые войны, создание и распад Советского Союза, нескончаемые конфликты, упадок религии. Ищут ли наши современники ответ на вопрос «что не так с миром»? Думаю, да. И эта книга для них. Конечно, история человечества показывает – дети всегда стремятся изменить мир отцов. Мы ведь и сами не замечаем, как клеветаем на прошлое и всех, кто был до нас. Но даже нам, «опытным» и «умеющим правильно жить», стоит всерьез задуматься, «как должен быть устроен этот мир», и познакомиться с мыслями гениального британца Честертон на этот счет, а заодно, возможно, по-новому взглянуть на прошлое, будущее и вечное.

Дарья Полетаева

Посвящение

*Посвящается
Ч. Ф. Г. Мастерману³*

Дорогой Чарльз,

первоначально я назвал эту книгу «Что не так», и вы, с вашим язвительным нравом, были бы удовлетворены, если бы заметили множество повседневных недоразумений, возникших из-за такого названия. Не раз кроткие посетительницы удивленно округляли глаза, когда я между делом упоминал: «Все утро я провел по уши в „что не так“». А некий священнослужитель довольно резко развернулся на стуле, когда я сказал ему, что сбегаю наверх поколупаться в «что не так» и через минуту снова спущусь. В каком именно оккультном пороке они мысленно обвиняли меня, я не могу предположить, но знаю, в чем обвиняю себя: в том, что написал очень бесформенную и малопригодную книгу, совершенно недостойную того, чтобы быть посвященной вам. С точки зрения литературы эта книга, без сомнения, вышла совсем не так.

С моей стороны может показаться крайним нахальством представлять столь дикую композицию тому, кто написал два или три действительно впечатляющих видения движущихся миллионов жителей Англии. Вы – единственный из ныне живущих, кто может заставить карту Англии кишеть жизнью – самое жуткое и завидное достижение. Почему же я вздумал надоедать вам книгой, которая, даже если и достигнет своей цели (что чудовищно маловероятно), все равно рискует остаться лишь громогласной теорией?

Что ж, я делаю это отчасти потому, что думаю: вам, политикам, полезно проходить испытания неудобными идеалами; но в большей степени потому, что здесь вы обнаружите все наши споры, которых не могли выносить даже самые прекрасные и терпеливые дамы. И, возможно, вы согласитесь со мной, что нить товарищества и беседы надо беречь, потому что она так легка. Ее нужно считать священной, ее нельзя разрывать, потому что бессмысленно и пытаться вновь ее связывать. Именно потому, что спор бесполезен, люди (я имею в виду мужчин) должны принимать его всерьез, ибо когда же еще до наступления Страшного суда у нас снова возникнет такая восхитительная разница мнений? Но мое самое главное побуждение состоит в том, что существует не только товарищество, но и нечто совсем другое, называемое дружбой, – согласие под глубинным течением всех споров и нить, которая, дай Бог, никогда не порвется.

Всегда ваш

Г. К. Честертон

---

³ Чарльз Фредерик Герни Мастерман (1873–1927) – британский политик-либерал, писатель. (Здесь и далее примеч. перев.)

Часть первая

Неприкаянность человека

I. Медицинская ошибка

Книга современного социального исследователя имеет четко определенную форму. Она начинается, как правило, с анализа, статистики, демографических таблиц, данных о снижении преступности среди конгрегационалистов⁴, росте истерии среди полицейских и прочих установленных фактов; она кончается главой, которая обычно называется «Способ лечения». Способ лечения никогда не удастся найти, что практически полностью является заслугой этого точного, надежного научного метода: парадигма медицинского вопроса и ответа сама по себе – грубая ошибка; первая и главная ошибка социологии. Всегда говорят, что прежде надо установить болезнь, а затем искать лечение. Но в том и заключается суть и достоинство человека, что в социальных вопросах мы должны найти лекарство прежде, чем определим болезнь.

Эта ошибка – одна из множества, которые проистекают из современного помешательства на биологических и телесных метафорах. Удобно говорить о социальном организме, как удобно говорить о Британском Льве⁵. Но Британия – не организм и не лев. В тот момент, когда мы начинаем приписывать нации единство и простоту животного, мы начинаем мыслить дико. Каждый человек двуног, но двадцать человек – не сороконожка. Вот что приводит к ошеломительной абсурдности нескончаемых разговоров о «молодых нациях» и «вымирающих нациях», как будто у нации есть фиксированный физический предел существования. Так люди скажут, что у Испании начался старческий маразм; с тем же успехом можно сказать, что Испания теряет зубы. Или скажут, что Канаде следует в скором времени обзавестись своей литературой, и это все равно что сказать, что Канаде следует в скором времени отрастить усы. Нации состоят из людей: первое поколение может оказаться дряхлым, а десяти тысячное окажется сильным. Подобным образом ошибаются и те, кто видит в возрастающих размерах национальных владений преуспевание в премудрости и возрасте и в любви у Бога и людей⁶. Эти люди, несомненно, не осознают всю тонкость аналогий с человеческим телом. Они даже не задают себе вопрос, становится ли империя выше в юности или только толстеет в старости. Но из всех ошибок телесной аналогии самой ужасной я назову привычку исчерпывающе описывать социальный недуг и затем предлагать социальное лекарство.

Да, в случае телесного недомогания мы в первую очередь устанавливаем диагноз, и на то есть веский резон: хотя могут быть сомнения в причине, по которой тело занедужило, нет никаких сомнений в том, в какое состояние его следует привести. Ни один врач не предложит создать новый тип человека с новым расположением глаз или конечностей. Больница может при необходимости отправить человека домой без ноги, но никто, даже в творческом порыве, не снабдит его дополнительной ногой. Медицинская наука довольствуется нормальным человеческим телом и старается лишь восстановить его.

Но общественная наука отнюдь не всегда довольствуется обычной человеческой душой: у нее имеются все виды причудливых душ на продажу. В приступе социального идеализма человек заявит: «Мне надоело быть пуританином⁷, я хочу быть язычником» или «За темным периодом Индивидуализма я вижу сияющий рай Коллективизма». Применительно к телесным недугам не существует такого разноречия идеалов. Пациент может хотеть или не хотеть хинин, но

---

⁴ Конгрегационалисты (от лат. *congregatio*) – последователи возникших на позднем этапе английской Реформации радикальных общин, наиболее активно боровшихся за «очищение» («пурификацию») Церкви Англии от епископата и всех элементов католической доктрины и обрядности. Основопологающий принцип – полная вероисповедная и организационная автономия каждой общины (конгрегации).

⁵ Британский Лев – официальный герб британского монарха.

⁶ Парафраз Лк. 2: 52: «Иисус же преуспевал в премудрости и в возрасте и в любви у Бога и людей».

⁷ Пуритане (от лат. *puritas* – «чистота») – английские протестанты, не признававшие авторитет официальной церкви, последователи кальвинизма. Для пуританства характерны крайняя строгость нравов, целомудрие и аскетизм.

он совершенно точно хочет быть здоровым. Никто не скажет: «Мне надоела эта головная боль, я хочу зубную боль», или «Единственное, что поможет от русской кори, – германский грипп»⁸, или «За темным периодом простуды я вижу сияющий рай ревматизма». Вся сложность наших общественных проблем состоит в том, что некоторые люди стремятся заполучить лекарства, которые для других будут хуже всяких болезней, и предлагают рассматривать крайние состояния как состояния здоровья, в то время как другие бесспорно назвали бы это болезнью. Беллок⁹ однажды сказал, что не расстанется с идеей собственности так же, как и со своими зубами; но для мистера Бернарда Шоу¹⁰ собственность – не зуб, а зубная боль. Лорд Милнер¹¹ искренне старался внедрить немецкую эффективность; и многие из нас предпочли бы германский грипп. Доктор Салиби¹² хотел бы внедрить евгенику, но я уж лучше предпочту ревматизм.

Вот что поражает в современной социальной дискуссии: мы спорим не только о проблемах, но и о цели. Мы сходимся в оценках зла, но, когда речь заходит о добре, мы готовы перегрызть друг другу глотки. Мы все признаем, что ленивая аристократия – это плохо, но не можем же мы все решить, что активная аристократия – это хорошо. Нас всех раздражает нерелигиозное священство, но некоторые из нас взвыли бы от отвращения к истинно религиозному священству. Если наша армия окажется слабой, вознегодуют все, включая тех, кто еще громче негодовал бы, если бы она была сильной. Социальный «случай» представляет собой полную противоположность «случая» медицинского. Наши разногласия не схожи с разногласиями докторов о точной природе болезни, при том, что природа самого здоровья не вызывает сомнений. Напротив, мы все согласны, что Англия больна, но половина из нас отвернулась бы с омерзением от того состояния, которое другая половина сочла бы цветущим здоровьем. Социальные злоупотребления настолько очевидны и вредны, что они объединяют всех порядочных людей в некоем подобии согласия. Мы забываем, что хотя мы едины в вопросе злоупотребления, мы категорически расходимся во мнениях о том, каково же верное употребление. В приговоре плохой пивнушке мы с мистером Кэдбери¹³ выступили бы заодно. Яростно спорить мы бы начали перед дверями приличного заведения.

Я с уверенностью заявляю, что обычный социальный метод бесполезен: не стоит начинать с анализа крайней бедности или каталогизации проституции. Нам всем не нравится крайняя бедность, но попробуйте-ка поднять вопрос о независимой и достойной бедности. Мы все не поддерживаем проституцию, но не все одобряют целомудрие. Единственный способ рассуждать о социальном зле – сразу перейти к обсуждению социального идеала. Мы все видим национальное безумие, но что такое национальное здравомыслие? Я назвал эту книгу «Что не так с этим миром», и на этот вопрос есть простой и ясный ответ: мы перестали спрашивать, как будет «так», вот что не так с нами.

⁸ Вероятно, понятная современникам отсылка к т. н. «русскому гриппу» (под таким названием была известна последняя масштабная эпидемия XIX в., грипп 1889–1890 гг.).

⁹ Хилэр Беллок (1870–1953) – известный писатель и историк, друг Честертона.

¹⁰ Бернард Шоу (1856–1950) – выдающийся английский драматург.

¹¹ Альфред Милнер (1854–1925) – британский государственный деятель и колониальный администратор.

¹² Кайлеб Салиби (1878–1940) – британский врач, писатель и журналист, сторонник евгеники.

¹³ Джон Кэдбери (1801–1889) – основатель кондитерской компании, приверженец сухого закона.

II. Требуется непрактичный человек

Существует популярная философская шутка, пародирующая бесконечные и бесполезные споры философов: «Что появилось раньше – курица или яйцо?» Думаю, если понять этот вопрос правильно, он уже не покажется таким бессмысленным. Не стану сейчас вникать в глубокие метафизические и теологические различия, веселым, но не таким уж легковесным примером которых служит спор о курице и яйце. Материалистические эволюционисты убеждены в том, что все вещи происходят из яйца, монструозного овального зародыша, который случайным образом возник из ниоткуда. Другая сверхъестественная школа мысли (к которой лично я принадлежу) придерживается представления, согласно которому наш круглый мир – всего лишь яйцо, снесенное священной нерожденной птицей, мистическим голубем пророков. Но сейчас я призываю великую мощь этих различий ради более смиренного умозаключения: вне зависимости от того, находится ли живая птица в начале нашей логической цепочки или нет, совершенно необходимо, чтобы она была в ее конце. Птица – вот во что надо целиться, не из ружья, а жизнетворным жезлом. Для правильного понимания важно не рассматривать яйцо и птицу как равные космические явления, бесконечно поочередно повторяющиеся, словно в орнаменте¹⁴. Одно – это средство, а другое – цель: они находятся на разных ментальных уровнях. Если вынести за скобки условности человеческого завтрака, в элементарном смысле яйцо существует только для того, чтобы появилась курица. Но курица существует не только для того, чтобы нести яйца. Она также может существовать, чтобы тешить себя, славить Бога и даже для того, чтобы навести на мысль французского драматурга¹⁵. Будучи сознательной формой жизни, она представляет ценность сама по себе. Современная политика оглушает своим шумом, и мы забываем, что целью всех сложностей и компромиссов должно быть создание счастливой и сознательной жизни. Мы говорим только о полезных людях и работающих учреждениях, что, по сути, означает: мы думаем только о курицах, которые снесут больше яиц. Вместо того чтобы пытаться разводить нашу идеальную птицу – орла Зевса, или лебедя Эйвона¹⁶, или иную желанную нам, – мы говорим исключительно о процессе и зародыше. Процесс ради процесса, отделенный от божественной цели, становится сомнительным и даже патологическим; яд проникает в зародыш всего сущего, и наша политика – сплошь тухлые яйца.

Идеализм рассматривает любой предмет прежде всего в его практической сущности. Идеализм велит нам прежде всего учесть пригодность кочерги для помешивания углей, а уж потом обсуждать, подходит ли она для избиения жены; и мы должны поинтересоваться, достаточно ли хорошо яйцо для птицеводства, прежде чем решим, что яйцо достаточно протухло для практической политики. Но я знаю, что погоня за теорией (то есть преследование цели) может навлечь на человека обвинение в бездействии, пока горит Рим. Школа, представителем которой является лорд Роузбери¹⁷, стремилась заменить моральные или социальные идеалы, которые прежде были движущим мотивом политики, некоей последовательной социальной системой, именуемой «эффективностью». Я не вполне постиг тайную доктрину этой секты, но, насколько я могу судить, «эффективность» означает, что мы должны изучить все, что касается машины, кроме ее предназначения. В наше время возникла необычайная идея: когда дела идут совсем плохо, требуется практичный человек. Гораздо правильнее было бы сказать, что, когда

---

¹⁴ Речь идет об ионике – орнаменте в виде яйцеобразных, срезанных сверху элементов (овов) и чередующихся с ними стрельчатых элементов.

¹⁵ Как раз в 1910 г. вышел английский перевод стихотворной пьесы Эдмона Ростана «Шантеклер», главный герой которой – петух.

¹⁶ «Лебедь Эйвона» – прозвище Шекспира.

¹⁷ Арчибалд Филип Примроуз, граф Роузбери (1847–1929) – британский политик, член Либеральной партии Великобритании (виги), в 1894–1895 гг. был премьер-министром Соединенного Королевства.

дела идут совсем уж плохо, нужен непрактичный человек. По крайней мере, нужен теоретик. Практичный человек – это человек, привыкший к простым повседневным делам, к тому, как все обычно работает. Когда что-то не работает, нужен человек, который умеет думать, человек, у которого есть хоть какое-то понимание, почему это вообще работает. Нельзя валять дурака, пока горит Рим; но вполне уместно изучать теорию гидравлики.

Затем необходимо отбросить повседневный агностицизм и попытаться познать суть вещей¹⁸. Если в самолете возникнут небольшие неполадки, рукастый человек сможет его починить. Но если случится что-то серьезное, то, скорее всего, придется вытащить из колледжа или лаборатории рассеянного старого профессора с растрепанными седыми волосами, и он разберется в проблеме. Чем масштабнее разрушения, тем более седой и безумный теоретик потребуется для борьбы с ними, и в некоторых крайних случаях никто, кроме человека (возможно, безумного), который изобрел ваше летающее судно, не сможет сказать, что с ним случилось.

«Эффективность» так же бесполезна, как и «сильные люди», «сила воли» и «сверхчеловек». Все эти понятия бесполезны, потому что имеют дело с действиями уже после того, как они произошли. У «эффективности» нет философии, подходящей для событий, которые еще не состоялись, поэтому она не предлагает выбора. Действие может оказаться успешным или безуспешным лишь после того, как будет совершено, если же оно только должно свершиться, можно абстрактно рассуждать, правильное оно или неправильное. Невозможно болеть за победителя: когда он станет победителем, уже не будет смысла болеть. Нельзя бороться на стороне победителя: борьба за то и идет, чтобы выяснить, какая сторона победит. Если какая-либо операция была проведена, то она была эффективной. Если человека убили, убийство было эффективным. Тропическое солнце столь же эффективно заставляет людей лениться, как напористый ланкаширский бригадир заставляет их пошевеливаться. Метерлинк¹⁹ с тем же успехом наполняет человека странным духовным трепетом, как господи Гросс и Блэкуэлл – джемом²⁰. Но все зависит от того, чем вы хотите наполниться. Лорд Роузбери, будучи современным скептиком, вероятно, предпочитает духовный трепет. Я, будучи ортодоксальным христианином, предпочитаю джем. Но оба окажутся эффективны тогда, когда их дело уже будет сделано, и неэффективны до этих пор. Человек, который много думает об успехе, превращается в самого медлительного сентименталиста, потому что вынужден все время оглядываться назад. Если ему нравится только победа, он должен всегда опаздывать на битву. Человеку действия не обойтись без идеализма.

В нынешнем английском смятении найти определенный идеал – куда более насущная и практичная задача, нежели составлять всякие неотложные планы и предложения. Ведь хаос вызван общим забвением всего, к чему изначально стремились люди. Ни один человек не требует того, чего хочет: каждый требует то, что, как ему кажется, он может получить. Вскоре все забывают, чего человек на самом деле хотел изначально, а после успешной и активной политической жизни он и сам забывает об этом. Сплошь экстравагантная гонка за второе место, пандемониум меньшего из двух зол. Однако столь легкая перемена мнений делает невозможным не только героическое постоянство, но и сколько-нибудь практичный компромисс. Середину между двумя точками можно найти, только если эти две точки стоят на месте. Мы можем достигнуть договоренности между двумя сторонами, даже если обе они не смогут получить желаемое, но только не в том случае, когда они даже не желают сказать, чего именно они желают. Владелец ресторана с радостью предпочел бы, чтобы каждый клиент делал свой заказ решительно и быстро, будь это тушеный ибис или вареный слон, чем наблюдать, как клиент

¹⁸ Аллюзия на принадлежащее римскому поэту Вергилию выражение *rerum cognoscere causas*.

¹⁹ Морис Метерлинк (1862–1949) – бельгийский писатель, драматург и философ, автор философской пьесы-притчи «Синяя птица», посвященной вечному поиску человеком символа счастья и познания бытия.

²⁰ Grosse and Blackwell – производители кондитерских изделий.

сидит, держась за голову, погружившись в арифметические расчеты вероятных запасов еды в кладовой. Большинство из нас пострадали от определенного типа женщин, которые из-за своего ярого бескорыстия доставляют больше проблем, чем эгоистичные; которые настойчиво требуют непопулярное блюдо и борются за худшие места. Большинство из нас бывали на приемах или экскурсиях, где бурлила суета самоуничтожения. По куда более низменным мотивам, чем мотивы этих замечательных женщин, наши практические политики создают такую же путаницу из-за таких же сомнений насчет своих истинных требований. Ничто так не мешает порядку, как путаница уступок. Со всех сторон нас сбивают с толку политики, которые выступают за светское образование, но считают, что бороться за него бесполезно; которые мечтают о сухом законе, но уверены, что не должны этого требовать; кто сожалеет о принудительности образования, но покорно длит эту традицию; кто хочет ввести крестьянскую собственность и поэтому голосует за что-то другое. Именно этот неосознанный оппортунизм мешает всему. Если бы наши государственные деятели были провидцами, можно было бы сделать что-то практическое. Когда мы ищем нечто абстрактное, мы вполне можем получить что-то конкретное. Невозможно даже частично получить то, что хочешь, если никто не может толком понять, что же именно тебе нужно и как этого достичь. Та ясность и твердость, которая присутствовала в старых торгах, сейчас полностью исчезла. Мы забываем, что слово *compromise* (компромисс) содержит, помимо прочего, твердое и звонкое слово *promise* (обещание). Умеренность – не что-то неопределенное: она так же ясна, как и совершенство. Средняя точка так же неподвижна, как и крайняя.

Если пират заставит меня прогуляться по доске²¹, вотще я буду предлагать в качестве здравомыслящего компромисса пройти по доске «разумное расстояние». Именно в определении разумного расстояния мы принципиально отличаемся. Есть некий малый, математически рассчитываемый момент, в который доска опрокинется. Мой здравый смысл заканчивается как раз перед этим мгновением; здравый смысл пирата начинается сразу после. Но сама точка так же сложна, как и любая геометрическая диаграмма, и столь же абстрактна, как любая теологическая догма.

---

²¹ Прогулка по доске – вид казни, применявшийся пиратами: осужденный шел по доске, один конец которой выдавался в море, падал и тонул.

III. Новый лицемер

Но эта новая и расплывчатая политическая трусость сделала бессмысленным старый английский компромисс. Люди начали бояться улучшений только потому, что они уже свершились. Они называют утопической и революционной идею, что каждый должен жить по-своему или что любое дело следует закончить и на том покончить. Прежде компромисс означал, что лучше иметь полкаравая, чем сидеть без хлеба. Среди современных государственных деятелей компромисс, по-видимому, означает, что половина каравая лучше целого.

Возьмем для уточнения аргумента пример из наших вечных законов об образовании. Мы умудрились создать новый вид лицемера. Прежний лицемер, Тартюф²² или Пексниф²³, был человеком с целями мирскими и практичными, но притворялся религиозным. Новый лицемер выдает свои религиозные цели за мирские и практичные. Преподобный Браун, священник Уэслианской методистской церкви²⁴, твердо заявляет, что ему нет дела до вероучений, он заботится только об образовании; между тем, по правде говоря, его душу раздирает самое яростное уэслианство. Преподобный Смит из Англиканской церкви²⁵ изящно, как выпускник Оксфорда, объясняет, что единственно важный вопрос для него – процветание и эффективность школ, в то время как на самом деле внутри него клокочет все злострастие викария. Борьба вероучений маскируется под политику. Я думаю, почтенные господа не воздают себе должного – они куда более благочестивы, чем готовы признать. Богословие не вычеркнуто как ошибка (как полагают некоторые). Оно просто скрывается, как грех. Доктор Клиффорд²⁶ действительно жаждет богословской атмосферы, как и лорд Галифакс²⁷, но только иной. Если бы доктор Клиффорд прямо требовал пуританства, а лорд Галифакс прямо просил католицизма, для них можно было бы что-то сделать. Будем надеяться, что у нас у всех достаточно богатое воображение, чтобы признать достоинство и самобытность другой религии, такой как ислам или культ Аполлона. Я вполне готов уважать веру другого человека; но это уж слишком – просить, чтобы я уважал его сомнения и выдумки, его политические сделки и притворство. Большинство неконформистов, чувствующих дух английской истории, могли разглядеть что-то поэтическое и национальное в архиепископе Кентерберийском именно как в архиепископе. Но они справедливо раздражаются, когда он начинает выступать как рациональный британский государственный деятель. Большинство англикан, жаждущих смелости и простоты, могли бы восхищаться доктором Клиффордом как баптистским священником. Но когда он говорит, что он просто гражданин, ему никто не верит.

И это еще не самое удивительное. До сих пор такую расплывчатость, отсутствие кредо, оправдывали единственным аргументом: зато мы уберемся от фанатизма. Но даже этого нет. Напротив, отсутствие кредо с поразительной энергией создает и возрождает фанатизм. Это одновременно так странно и так верно, что я попрошу читателей прислушаться со вниманием.

Некоторым людям не нравится слово «догма». К счастью, они свободны, и для них есть альтернатива. Для человеческого разума существуют две вещи и только две: догма и предубеждение. Средневековье было рациональной эпохой, эпохой доктрины. Наш век, в лучших своих

²² Тартюф – персонаж пьесы Мольера «Тартюф, или Обманщик».

²³ Пексниф – персонаж романа Чарльза Диккенса «Мартин Чезлвит», самозванный учитель, жестокий эксплуататор.

²⁴ Уэслианская методистская церковь является частью так называемого *движения святости*, в котором подчеркивается стремление возлюбить ближнего, как самого себя, и которое включает такие практики, как ношение скромной одежды, отказ от ненормативной лексики и др.

²⁵ Англиканская церковь – государственная церковь Англии.

²⁶ Джон Клиффорд (1836–1923) – британский министр и политик, выступающий за пассивное сопротивление Закону об образовании (the Education Act) от 1902 г.

²⁷ Эдуард Фредерик Вуд, граф Галифакс (1881–1959) – британский политик, член партии консерваторов (тори).

проявлениях, – поэтическая эпоха, эпоха предрассудков. Доктрина – это определенная точка; предрассудок – направление. Утверждение, что вола можно есть, а человека нельзя, – доктрина. Призыв есть как можно меньше – предрассудок, который также иногда называют идеалом. Итак, направление всегда намного фантастичнее плана. Я предпочел бы иметь самую древнюю карту дороги в Брайтон²⁸, чем общую рекомендацию повернуть налево. Прямые непараллельные линии должны, наконец, встретиться; но кривые могут отдаляться друг от друга бесконечно. Пара влюбленных могла бы прогуливаться вдоль границы Франции и Германии, один по одну сторону, другой по другую, пока им не дадут расплывчатое указание держаться подальше друг от друга. И это абсолютно верная аллегория о влиянии современной неопределенности на то, как люди разделяются и теряют друг друга, словно в тумане.

Не только общее вероучение объединяет людей. Различие в вероисповедании тоже объединяет, если только это различие явное. Граница объединяет. Многие великодушные мусульмане и рыцари-крестоносцы ближе друг к другу, поскольку и те и другие – догматики, чем двое неприкаянных агностиков на скамье в часовне мистера Кэмпбелла. «Я говорю, Бог один» и «Я говорю, Бог един, но Он же и Троица» – это начало хорошей закланной дружбы между людьми. Но наш век превратил бы эти вероучения в тенденции. Так, верующему в Троицу было бы велено следовать множественности как таковой (потому что такова его «склонность»), и в итоге в его Троице появилось бы триста тридцать три лица. В то же время мусульманин превратился бы в мониста: пугающее интеллектуальное падение, когда вполне здравый человек готов не только признать, что Бог один, но и признать, что кроме Бога не существует никого и ничего. Если бы они оба в течение достаточно долгого времени следовали за светом своего собственного носа²⁹, они бы вынырнули снова с другой стороны: христианин-политеист и мусульманин-панэгоист, оба совершенно сумасшедшие и понимающие друг друга еще меньше, чем раньше.

Точно так же обстоит дело и с политикой. Политическая неопределенность разделяет людей, она их не объединяет. Люди пройдут по краю пропасти в ясную погоду, но они будут держаться от него подальше в тумане. Так тори может подойти к самому краю социализма, если он знает, что такое социализм. Но если ему говорят, что социализм – это дух, возвышенная атмосфера, благородная, неопределимая тенденция, он постарается отодвинуться от него и будет совершенно прав. На утверждение можно ответить аргументом, но тенденцию можно отразить лишь здоровым предрассудком. Говорят, что японский метод борьбы состоит не во внезапном натиске, а во внезапном отступлении. Это одна из многих причин, почему мне не нравится японская цивилизация. Использовать отступление как оружие – худшая черта Востока. Но, конечно, труднее всего бороться с той силой, которую легко победить; с той, которая всегда отступает, а затем возвращается. Такова сила великих безличных предрассудков, которыми наполнен современный мир. Против них нет никакого оружия, кроме жесткого, стального здравомыслия, решения не слушать рассказы и не заражаться болезнями.

Короче говоря, разумная человеческая вера должна защищать себя предрассудками в эпоху предрассудков, точно так же как она защищала себя логикой в эпоху логики. Но разница между этими двумя ментальными методами очевидна. Суть различий заключается в следующем: предрассудки расходятся, а вероучения всегда сталкиваются. Верующие натываются друг на друга, в то время как слепые приверженцы держатся друг от друга подальше. Вероучение – вещь коллективная, и даже грехи его – следствие совместной жизни. Предубеждение – дело личное, и даже его толерантность мизантропична. Так же обстоит дело и с нашими партиями. Они держатся подальше друг от друга; газета тори и газета радикалов не отвечают друг другу, они игнорируют друг друга. Подлинная полемика, справедливые дебаты перед общей аудито-

²⁸ Брайтон – город на южном побережье Англии в графстве Восточный Суссекс.

²⁹ Как Донг из стихотворения Эдварда Лира «Донг со светящимся носом».

рией стали в нашу эпоху большой редкостью. Для искреннего спорщика больше всего важен хороший слушатель. Настоящий энтузиаст никогда не перебивает; он выслушивает аргументы противника так же охотно, как шпион выслушивает планы врага. Но если вы попытаетесь провести реальный спор с современной газетой иной политической партии, вы обнаружите, что между насилием и уклонением от боя не допускается ничего среднего. Вы не получите никакого ответа, кроме клеветы или молчания. Современный редактор не должен обладать тем жадным слухом, который дается в паре с честным языком. Он может быть глухим и молчаливым, и это называется достоинством. Или он может быть глухим и шумным, и это называется беспощадной журналистикой. Ни в том, ни в другом случае спора не возникает, поскольку главная цель современных партийных бойцов – отбежать так далеко, чтобы и не слышать друг друга.

Единственное логическое лекарство от такого недуга – утверждение человеческого идеала. Я постараюсь, говоря об этом, оставаться настолько не «трансцендентным»³⁰, насколько это согласуется с разумом: достаточно сказать, что, если у нас нет какой-либо доктрины о божественном человеке, любые злоупотребления могут быть оправданы, поскольку эволюция может сделать их полезными. Научному плутократу будет легко утверждать, что человечество приспособится к любым условиям, которые мы сейчас считаем тлетворными. Старые тираны ссылались на прошлое; новые тираны будут взывать к грядущей эволюции, породившей улитку и сову, – эволюция может породить рабочего, которому потребуется не больше места, чем улитке, и не больше света, чем сове. Работодателю нет нужды переживать, отправляя кафра³¹ на подземную работу: скоро тот станет подземным животным, как крот. Ему не нужно беспокоиться о дыхании ныряльщика, которого посылают на дно: тот скоро станет глубоководным животным. Люди не должны хлопотать о том, чтобы изменить условия: условия и так скоро изменят людей. Голову можно ужать, чтобы она соответствовала шляпе. Не сбивайте оковы с раба – бейте раба, пока он не позабудет об оковах. На все эти правдоподобные современные аргументы в пользу угнетения единственным адекватным ответом будет постоянный человеческий идеал, который нельзя ни сбить с толку, ни уничтожить. Самый важный человек на земле – это идеальный человек, которого нет. В Писании говорится, что христианская религия специально обозначила предельное здравомыслие Человека, которое будет судить воплощенную и человеческую истину. Наши жизни и законы оцениваются не по божественному превосходству, а только по человеческому совершенству. Человек, говорит Аристотель, и есть мера. В Писании говорится, что Сын Человеческий будет судить живых и мертвых.

Итак, доктрина не вызывает разногласий; скорее одна только доктрина может избавить нас от них. Однако необходимо задать прямой вопрос: какая абстрактная и идеальная форма в государстве или семье может утолить человеческий голод, причем вопрос этот необходимо отделять от иного: можем ли мы все это получить и в какой мере. Но когда мы начинаем спрашивать, что нужно нормальным людям, чего хотят все народы, что такое идеальный дом, или дорога, или правление, или республика, или король, или священство, мы сталкиваемся со странным и раздражающим препятствием, свойственным современности, и мы должны на время остановиться и изучить это препятствие.

³⁰ Трансцендентный – принципиально выходящий за пределы чувственного опыта.

³¹ Кафр – представитель одной из народностей Африки, происходит от арабского слова «кафир», означающего «неверный, неблагочестивый».

IV. Страх прошлого

Последние несколько десятилетий были отмечены особым культом романтизированного будущего. Кажется, мы решили неправильно понимать то, что произошло, и с облегчением обращаемся к изложению того, что произойдет, – это, по-видимому, намного проще. Современный человек больше не гордится мемуарами своего прадеда; он занят написанием подробной и убедительной биографии своего правнука. Вместо того чтобы трепетать перед призраками прошлого, мы дрожим в тени еще не рожденного ребенка. Этот дух заметен везде, даже в самом факте появления фантастического романа. Сэр Вальтер Скотт на заре девятнадцатого века создал роман о прошлом; мистер Уэллс на заре двадцатого века создал роман о будущем. Старая история, как мы знаем, должна была начинаться так: «Поздним зимним вечером появились два всадника...» А новая история – так: «Поздним зимним вечером появятся два летчика...» Это направление не лишено привлекательности: зрелище стольких людей, вновь и вновь сражающихся в битвах, которые еще не случились; людей, светящихся воспоминаниями о завтрашнем утре, эксцентрично, однако в одухотворенности ему не откажешь. «Человек, опередивший свой век» – довольно знакомое выражение. «Век, опередивший свой век» звучит весьма странно.

Но даже сделав скидку на безвредный художественный прием и присущее человеку озорство, я все же назову этот культ будущего не только слабостью, но и трусостью нашей эпохи. Своеобразное зло эпохи состоит в том, что даже ее воинственность происходит из страха, а джингоизм³² достоин презрения не потому, что он дерзок, а потому, что робок. Причина, по которой современные вооружения не будоражат воображение подобно оружию и знаменам крестоносцев, заключается не во внешнем уродстве или красоте. Некоторые линкоры красивы, как и море, а многие нормандские шлемы были такими же безобразными, как нормандские носы. Уродство самой атмосферы нашей технологической войны проистекает из порочной паники, которая лежит в ее основе. Крестоносцы устремлялись к некоей цели, они устремлялись к Богу, в этой погоне находит утешение сердце храбреца. Современная гонка вооружений – вовсе не погоня. Это отступление, бегство от дьявола, который поймает отстающего. Невозможно представить себе средневекового рыцаря, говорящего о все более и более длинных французских копьях с таким же трепетом, с каким ныне говорят о все более и более внушительных немецких кораблях. Человек, который назвал Школу синего моря³³ «Школой страха», выразил психологическую истину, которую сама школа вряд ли смогла бы отрицать. Двухдержавный стандарт³⁴, даже если он необходим, в некотором смысле унижен. Ничто так не оттолкнуло многие благородные умы от имперских инициатив, как манера преподносить эти инициативы в качестве скрытой или внезапной защиты от мира холодной жадности и страха. Например, Бурская война³⁵ была окрашена не столько верой в то, что мы что-то делали правильно, сколько верой в то, что буры и немцы, по-видимому, делали что-то не так и вынудили нас (как было

³² Джингоизм – шовинистический национализм в Англии; для джингоизма характерны пропаганда колониальной экспансии и разжигание национальной вражды.

³³ Школа синего моря, *Blue Water School (разг.)* – политики, считающие сильный флот и господство на море необходимыми условиями для военного могущества страны.

³⁴ Акт о морской обороне 1889 г. (англ. *Two-Power Standard*) – закон, принятый британским парламентом и предусматривавший постройку в течение 1889–1894 гг. 70 боевых кораблей для Королевского флота; этот закон впервые утвердил «двухдержавный» стандарт, согласно которому британский флот должен быть сильнее, чем два любых других флота в мире, вместе взятых.

³⁵ Вторая англо-бурская война 1899–1902 гг. – превентивная война бурских республик – Южно-Африканской республики (Республики Трансвааль) и Оранжевого Свободного государства (Оранжевой Республики) – против Британской империи, закончившаяся победой последней.

сказано) пуститься в море. Мистер Чемберлен, насколько я помню, сказал, что эта война – перо в его шляпе³⁶, что, несомненно, так и есть, только это перо – белое³⁷.

Сейчас тот же самый первичный страх, который я ощущаю в поспешном патриотическом вооружении, я ощущаю и в поспешном выстраивании будущего видения общества. Современный разум направляется в будущее, подталкиваемый определенным чувством усталости (и даже с примесью страха), с которым он смотрит в прошлое. Его подгоняют навстречу грядущим временам; выражаясь точными словами популярной фразы, «ему всыпали по первое число». И этот стимул, который так ярко подстегивает разум, – отнюдь не любовь к будущему. Будущее не существует, потому что оно еще в будущем. Скорее действует страх прошлого, страх не только перед тем злом, что было в прошлом, но и перед всем хорошим, что там было, тоже. Мозг раскалывается под натиском невыносимой добродетели человечества. Было так много пламенных верований, которые мы не способны удержать, так много сурового героизма, которому мы не можем подражать, столько усилий было вложено в монументальное строительство или в воинскую славу, и все это кажется нам одновременно и грандиозным, и жалким. Будущее – убежище, где можно скрыться от яростной конкуренции наших предков. Старшее поколение, а не младшее, стучит в нашу дверь. Гораздо приятнее спастись бегством, как сказал Хенли³⁸

---

³⁶ Идиома a feather in one's cap переводится как некое «достижение», «предмет чьей-либо гордости».

³⁷ Идиома to show the white feather означает «струсить», «смалодушничать».

³⁸ Уильям Хенли (1849–1903) – английский поэт, критик и издатель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.